

Раиса

Дейкина



## ПОХАТНИЦА

После Великой Отечественной войны этот поселок при железнодорожной станции прямо гудел от людского шума, детского писка и смеха. В нем насчитывалось около пятисот дворов – дымов, как говорили старейшие его жители. По количеству дымов над хатами велся настоящий учет хозяйств. Они хорошо виднелись, особенно зимой, и свидетельствовали о нахождении в хатах-домах их жителей. Когда же у кого утром дым не вился над дымоходом, ближайшие соседи начинали волноваться. Бросив свои дела, бежали узнать: что случилось? Такая привычка была в каждой деревне. В поселке – тоже. Пока он, как и более мелкие поселения вокруг, со временем (а скорее всего, из-за Чернобыля) не опустел. После того лиха дымов над поселком становилось на глазах все меньше и меньше, и их можно было уже пересчитать по пальцам.

– Дожили: даже дымов над трубами не видать, – печально кивали головами один другому поселковцы, встретившись в единственном «живом» магазине (раньше их было до десятка разного калибра).

– Почему же не видать? Десятка с два еще наберется на этой стороне, а на улице за переездом дым каждый день видать у Елены Похатницы, – возражал чей-то голос.

«За переездом» – так для жителей четырех улиц, которые составляли основу поселка, называлась пятая – та, что выводила через десяток километров по лесу на шоссе Хойники – Речица. На ней, стоявшей когда-то густым двусторонним рядом новых послевоенных хат, теперь значительно поредевшим (одни рассыпались от времени, другие были раскатаны по бревнышку и перевезены в другие места ближе к большим городам), и правда, дым шел-вился только из одного дымохода. Будто наперекор всем стихиям, он регулярно вздымался в небо по утрам и вечерам и виднелся издалека. Даже с платформы-остановки поездов. И каждый раз редкие пассажиры из местных, сойдя на перрон с утреннего железнодорожного автобуса, который последнее время бегал по ветке из Гомеля на Хойники, оглянувшись вокруг, удовлетворенно говорили один одному:

– Видишь, у Елены Похатницы дым идет из трубы? Значит – живая еще, слава Богу!

Похатницей между собой звали одну из коренных жительниц поселка – семидесятилетнюю Елену Шугалей. Благодаря ей немного позже, когда остановка пустела, еще из трех хат на улице, где она проживала, начинал виться дымок.

Прозвище Похатница прилепилось-приклеилось к Аленке еще с детства. Голодного, послевоенного. Вместе с матерью, которую односельчане звали Мари-



лей, вместо Мария, с добавкой – вдова, она жила в старенькой довоенной хатке. Та досталась ее матери от умерших в войну родителей. Сразу же после войны Мариля-вдова, как и многие в поселке девчата и молодые женщины, вышла замуж за одного из пациентов находившегося в поселке интерната для инвалидов войны. Михаил был с одной ногой, на костылях. Через год у молодой пары родилась девочка – Аленка. За няньку в хате оставался отец-инвалид, а Мариля работала стрелочницей на станции. Когда девочке миновало три годика, Михаил умер от гангрены уцелевшей ноги. Так что малая Аленка была предоставлена сама себе. Изредка, во время, когда не было поездов, – в так называемые «окна», мать прибегала покормить ее и снова бежала на работу. За ребенком, правда, присматривала старая соседка Земиха, которую Мариля угощала кое-чем, перепадавшим ей, как железнодорожнице, из вагона-лавки. Но когда старая Земиха, натопавшись, ложилась отдохнуть, Аленка вышмыгивала на улицу и бегала по хатам, рассчитывая что-нибудь в тех хатах получить из еды, потому что есть она хотела все время. Кто из деревенских баб давал ребенку вареную в мундире картофелину, кто – краюшку чего-то похожего на хлеб, кто – сухого вьюна, кто – холодный блин из натертой картошки.

В тот день она умудрилась сбежать от приболевшей бабки три раза. Когда третий раз за день она прибежала «гулять» к соседской подружке Зинке, то в самый раз попала на ужин, а перед этим, соответственно, на завтрак и обед. Дostatка в хате родителей Зинки особенного не было: трое детей, да самих взрослых двое. Каждая картофелина, краюха хлеба или кусок сахара были на учете тогда в любой семье. Мать подружки, которую на улице звали Никитиха, не то чтобы была злой или жадной, но когда в доме на стол подается все поштучно... А в тот день она была еще и не в настроении, потому что муж Никита, работавший на местном обозоколесном заводе, пришел с работы мало того что на подпитии, так еще и без ожидаемой премии, на которую так надеялась хозяйка. А тут еще Аленку третий раз за день пришлось сажать вместе со своими детьми за стол. Малышка хорошо около него управлялась, и за последним dranиком с тарелки она протянула руку первая...

– Гуляница! Ей бы только по хатам бегать! – не удержалась в тот раз мать Зинки, после того как Аленка, съев то, что ей перепало, тут же перехотела «гулять» и побежала из хаты. В окно было хорошо видно, как девочка исчезла за калиткой других соседей. – Пока не оббежит все хаты на улице, в свою не зайдет. Вот же похатница! – говорила-злилась Никитиха, перемывая посуду.

Назавтра уличная детвора перешептываясь, обзывала Аленку похатницей и показывала на нее пальцами. Оказалось, это Зинка «по секрету» рассказала одной подружке, а та – другой. И пошло-поехало. Аленка тогда была малая, еще в школу не ходила, и потому не обратила никакого внимания на то прозвище.

Новости в поселке расходились мгновенно, как в любом небольшом населенном пункте. Прозвище, которое получила ее малая дочь, дошло и до ушей Марили. Мать Аленки вскипела: она сбежала к соседке и хорошо с ней поругалась. Малой же дочери своей строго-настрога приказала «не летать по хатам», а особенно к соседской Зинке. Тогда ее не будут так обзывать. Со своей соседкой Мариля перестала здороваться и, видя Никитиху, еще издали переходила на другую сторону улицы. Но Аленка, как и раньше, когда мать уходила на работу, несмотря на ее угрозы дать ремня, все равно сбежала от глуховатой и слеповатой бабки к соседским детям на улицу, а с ними в хаты, где и ей хоть что-нибудь, да перепадало.

Известно, что прозвучавшее однажды прозвище навсегда приклеивается к человеку. Так прилипло-приклеилось «Похатница» и к Аленке.

Шло время. Аленка-Елена выросла и, в отличие от своих былых подружек, которые, как те птицы, поразлетелись по миру, осталась в поселке. В областном центре она окончила училище кооперации и стала работать продавцом в одном из поселковых магазинов. По дороге на работу на другой конец поселка она, как и в детстве, забегала в хаты к соседям, которые оставались в них одни. Но теперь не за тем, чтобы что-то схватить да вкинуть в рот: она спрашивала, кому и что из них нужно принести из аптеки или магазина, а может, и привезти из района. Те с благодарностью давали ей заказы, продолжая за глаза звать Похатницей. Среди них была и Никитиха, которая давно помирилась с ее матерью Марилей. В одну из таких поездок в район Елена познакомилась с парнем, который позвал ее замуж. Позвал в Гомель, где после армии работал на большом заводе.

– Ну как же я брошу мать, кто ее досмотрит? А ехать она никуда не хочет, – уговаривала она своего суженого.

Уговорила. Пришлось ему смириться с такой постановкой вопроса, рассчитывать на том заводе, устроиться в местное лесничество лесником и выписывать лес на строительство новой хаты. Ее молодые поставили на старом подворье рядом с прежней хатинкой, из которой так и не захотела перебираться в новую Мариля.

Они родили и с помощью старой Марили вырастили троих сыновей, выучили и, как говорят, выпустили в свет. Дождавшись первого правнука, Мариля тихо скончалась. А через несколько лет за ней на тот свет отправился и муж Елены. Чернобыль помог... Пока он был жив, Елена держала корову, свиней, гусей, кур. Оставшись одна в большой и пустой хате, она свела свиней, а на зиму ликвидировала и птицу, чтобы весной снова завести. Сыновья, которые жили в областном центре, не избегали матери, приезжали с женами и детьми, помогали, звали к себе и настаивали сбыть корову.

– Это же нужно столько около нее крутиться! А корма ей всякого сколько требуется! Летом еще кое-как на подножном корме перебьется, а на зиму сена кто наготовит? Отца же нет, – уговаривали дети.

– А вы на что, сыночки-голубочки? – смеясь, отбивалась Елена. – Вы же не пустодомки какие. Не накосите матери на одну коровку? Не притянете во двор тот стожок? Как себе хотите, детки, а сена Рябке чтобы на всю зиму было! Корову сбыть не дам! Я с ней разговариваю, она меня кормит, я с ней еще хожу-ползаю на своих ногах. Вы хотите, чтобы я легла перед телевизором и день и ночь в него таращилась? Так я быстрее умру. Вы этого добиваетесь? Никуда я из своей хаты не поеду, потому что здесь мои родители, муж, а ваши дед с бабулей и отец лежат в земле. На кого я их брошу? Да и хаты живые еще есть. А что я понесу Никитихе, а Сидоровне, а Кузьмичу? А старые ж (Елена считала себя еще «хоть куда») еще шевелятся в тех хатах, меня ждут, – этим последним доводом она останавливала каждый раз разговоры про сбыт коровы Рябки.

Дети отступали. Из рассказов матери они знали, почему ее на поселке все зовут Похатницей.

А Елена, сидя на маленькой скамеечке около своей Рябки, под мерное цыркание молока в подойник каждый раз вспоминала-перебирала свои доводы детям. Она, может, еще и подумала бы про переселение в город (да и то, только на зиму), если бы оставалась на улице одна. Но как же без нее обойдутся соседи, те, которые когда-то не дали ей умереть с голоду, а теперь остались одни в своих холодных хатах, и которым, как говорится, некому глоток воды подать? У каждого своя причина, но главная – ни один из них слушать не хочет, чтобы покинуть свой поселок, свою хату, кусочек земли при ней. Они же, как и она, к ним приросли, и попробуй теперь на старости лет их оторвать от всего этого. Считай, по-живому отсечь корни. Как у

того дерева. А дерево же без корней не растет. Вон, их однолетки, те, что поддались на уговоры детей да поехали к ним в города. Где они сейчас? Так же в сосняке, на кладбище, легли! От тоски по своим уголкам, от безработицы раньше времени туда отправились. Но она на тот свет еще успеет. У нее еще не все дела сделаны. Она еще в силах справляться не только со своим хозяйством, но и помочь уцелевшим соседям зимы зимовать. Зима ведь есть зима. Выдастся теплая или холодная, хаты необходимо каждый день обогревать, топить печь, не то выстынут так, что будет в них ненамного теплее, чем на улице.

Вот и этой зимой на улице «шевелилась» она одна. Поутру Елена протапливала печь, чтобы сварить еду себе да нагреть чугуны с водой для запаривания Рябке сечки из сенной трухи и соломы. Управившись со своим хозяйством, отправлялась, как в далеком детстве, по «живым» хатам. Вначале заходила к ближайшей – той самой Никитихе. Та жила-доживала свой век одна. Как ни звала ее дочь Зинка к себе в Минск, а сыновья в Москву, она наотрез отказалась – даже слушать не хотела детей. А те не могли наездиться в такую даль.

Минувшей ночью выпал хороший снег – Елена едва пробилась к сараю с коровой. Доглядела скотину: напоила, подкинула сена, подоила. Пробилась к калитке на улицу, выглянула из-за нее. Нигде никого: ни машины, ни трактора, ни людей. Пустая занесенная снегом улица. Пока у тех чистильщиков из соседней деревни, где теперь размещался сельсовет и центральная усадьба совхоза, очередь дойдет до их поселка... Пока по графику к ее беспомощным соседям доберется социальная работница...

«Вот бы лесовозы прошли на Дубровицу, они бы проторили две глубокие колеи-разоры. А так придется добираться по самый пуп по снегу», – с сожалением подумала про себя Елена и вернулась в теплую хату готовить и складывать в берестяную заплечную коробку «подкормку», как она сама прозвала свою еду, что носила соседям.

Сунув ноги в старые с высокими, по пах, голенищами валенки мужа, надела на себя теплый легкий пуховик, накинула на голову поверх платка-подведенки пуховый платок-обпинянку, пристроила коробку за спину и, даже на щеколду не закрыв входные двери (нигде никого нет), ступила за порог хаты, прихватив с собой легкую деревянную лопату. Когда-то ею старая бабка Земиха, а позже ее мать Мариля доставали буханки хлеба из печи. А теперь она служила еще и посохом. С ее помощью она отгребет снег от калиток и дверей хат Никитихи, Сидоровны и Кузьмича. Те еще кое-как переставляли ноги в своих хатах. А вот уже выбраться во двор, да еще такой заснеженный...

«Что-то Никитиха совсем расхворалась. Хотя бы перезимовала...» – с такими мыслями, опираясь на лопату-посох, с трудом вытягивая ноги из глубоких ямок из-под своих же следов, Елена не шла, а лезла-ползла по пустой, немой, застывшей улице в сторону переезда. Недалеко от него, одна в пустой холодной хате ее ждала та, которая в далеком детстве дала ей прозвище Похатница, а за ней в таких же опустевших хатах гнездились другие старики.

Наконец притянулась. Отгребла снег от калитки, пробила узкую дорожку к крыльцу, сбила с него снежные заносы. Отряхнув свои валенки-снегоходы, через веранду ступила в стылую хату.

– Павловна, живая? – закричала с порога.

– Пришла?! Не забыла меня, старую, одну-одинешеньку, – отозвалась та.

Никитиха лежала в запечке на домотканой постилке под большим кожухом. Елена быстренько сняла с себя коробку и начала доставать свою «подкормку». Сначала из принесенного с собой большого китайского термоса, не выпуская из

рук кружку, напоила старую горячим чаем на травах. Потом подала в дрожащие руки кусок домашней выпечки и контейнерик с творогом и сметаной, посыпанных сахаром. Пока ожившая на глазах Никитиха отводила душу, Елена вынесла из хаты и ополоснула ее ночную посудину, зажгла дрова в печи, поставила вариться чугушки с немудреной едой. Между делами рассказала соседке, «что делается на дворе». Пробыла-прогребла тропинку к дровянику и к колодцу, принесла охапку дров и воды про запас в хату. Отдохнув минуту-другую, начала пристраивать снова коробку за плечи.

– Павловна, – снова обратилась Елена от дверей к Никитихе. – Вы тут побудьте немного сами, а я сбегаяю к Сидоровне и Кузьмичу, гляну, как они там. На обратной дороге забегу и закрою юшку, чтобы вы тут не замерзли. Хорошо?

– Аленка... – услышала Елена вслед тихий голос, а скорее шепот старой из-за печи (так когда-то в детстве ее звала мать Мариля, подружки и все соседи, включая саму Никитиху). – Прости, голубка, меня, ради бога, за ту дурную кличку. – Потом, видно, забывшись, Никитиха продолжила по привычке: – Похатница моя родненькая, золотенькая! А если бы не ты – меня бы давно тут занесло, похоронило живьем...

## СОСЕДИ-СОСЕДУШКИ

*Хорошо, когда сосед близкий,  
а забор низкий.*

Эта улица-отросток заселялась в поселке при станции сразу после войны. Она начиналась от переезда и бежала, как и все другие, в сторону леса. Лес окружал поселок со всех сторон. На новой улице, которая стала называться коренными жителями поселка – «за переездом», новоселы вначале получали участки с одной стороны – сразу за железнодорожной казармой, в которой гнездились (так сами про себя говорили) несколько семей путейцев. За казармой, на некотором расстоянии одно от другого, находилось еще несколько казенных строений – местного лесничества. В одном из сооружений размещалась его контора, в другом – сушильня, для сосновых шишек. Между сушильней и лесничеством примостилась здесь и хата лесника Семена Ящука.

Вот эту, пока еще одностороннюю улицу и начали заселять людьми. Участки под новые дома нарезали вплотную, ущемляя их между теми казенными сооружениями и личным подворьем лесника. Первым надел получил дежурный по станции, за ним – путевой обходчик, следом – рабочий обозоколесного завода, за ним – экскаваторщик участка торфоперегрузки. Так дошли до дома лесника. Дальше распределение забуксовало: лесник-абориген захотел около себя «посадить» старшую дочь Веру, которая осталась с двумя детьми без мужа – тот не вернулся с войны. Леснику, а скорее молодежи-вдове, местные власти пошли навстречу и выделили ей участок впритык к родительскому селищу. За ними на пути распределителей встало строение лесничества. Его обошли и пошли дальше нарезать-наделять. Догнав нарезку до самого леса на одной стороне улицы, нарезальщики развернулись и взялись за другую. На ней не было никаких строений: ни казенных, ни частных. Дело тут пошло веселей.

Прошло немного времени, и лесничество в лице нового лесничего надумало перебраться с жилой улицы в более просторное и подходящее место. На прежнем и правда уже было не развернуться: в обычной избе находилась и контора, и

квартира лесничего. К тому же у лесничества имелись кони, которых становилось все больше и больше (кони, как и люди, возвращались с войны). Та же кобылица Яснотка, которая «была в партизанах», исправно жеребилась. Для безотказных помощников людей тоже кроме сарая-жилья нужен был простор: чтобы той же подводой подъехать к конторе, заехать в ее двор, развернуться. С подселением же новоселов на улице стало очень тесно. Так что подворье лесничества, как ни крути, необходимо было переносить-расширять.

Новое лесничество выросло как на дрожжах за лето. Неудивительно – лес тут, как говорят, под боком. Теперь оно находилось на его окраине, неподалеку от улицы за переездом. Не в пример старому сооружению, новое было намного больше, и в нем кроме конторы размещалось несколько квартир – для самого лесничего и его специалистов. Про лошадей тоже не забыли и выстроили для них просторную конюшню с широким двором, с навесами-шопами для стогов сена, которое накашивали на лесных полянах сами лесники. В дополнение к такой «роскоши» недалеко от основной усадьбы лесничества выкопали колодец и ставок, рядом срубили баньку, в которую после работников лесничества могли прийти погонять пар и жители улицы за переездом.

Лесничество лесничеством, а за его прежние строения, срубы которых были поставлены сразу после освобождения поселка за два года до окончания войны и были, можно сказать, новые, на улице разгорелись не абы какие сражения – они отдавались под личное жилье людям. После удачного подселения рядом с собой дочери лесник Яшук захотел посадить-подселить с другой стороны от своего дома, где как раз было то самое лесничество, еще и сына. Он посчитал, что если он лесник, то имеет больше всех других претендентов прав на готовое, считай, жилье. На бывшие казенные срубы положили глаз и их ближайшие соседи, что шли-размещались за ними следом. Одни хотели усесться на готовеньком сами, а не строиться-надрываться, другие – поселить в них свою ближайшую родню.

Ни тех, ни других в сельсовете слушать не стали, а сделали по-своему: сушилку отдали начальнику участка торфоперегрузки Старицкому, который ютился с семьей в старом довоенном бараке при той же перегрузке, а бывшее лесничество получил бригадир путейцев Прохоров, который до этого «гнездилился» с тремя детьми в казарме.

Не знали не гадали, бедняги, что со своим подселением они вскочили, как та лягушка в кострище: соседи ни с одной, ни с другой стороны бывших казенных строений не смогли простить новоселам такого уплотнения-фарта. Особенно не повезло с соседями Прохоровым. Вот же натура людская! Нет, чтобы по-хорошему, по-соседски порадоваться за счастливицков. Так куда там! Многовековая традиция злиться на соседа (любого, а в данном случае по огороду) без всякой причины проявилась тут как тут: на них сразу же взъелись соседи слева и справа (вернее будет – соседки).

Первое, что они сделали, – перестали ни с того ни с сего (так казалось новоселам) здороваться. Те, кто родился и вырос в деревне, хорошо знают, что это такое. Идешь по деревенской улице и сам говоришь всем, кого увидишь и встретишь «Здравствуйте!» или скороговоркой «Драсьте!», и тебе в ответ несется то же самое. А тут на твое «здоровствование» – взгляд из-под насупленных бровей или же демонстративный переход на другую сторону улицы. Так мало того, тебе объявлена настоящая война в виде оговоров, сплетен, разных мелких пакостей и даже запрета детям играть вместе. Правда, те, особенно младшие, не понимали, в чем дело, и играли, и дружили между собой в открытую, а старшие, бывало, втайне от матерей.

Кроме детей, не понимали, в чем тут дело, и домашняя птица со скотиной – те же свиньи. Не разбираясь, где чей огород, тем более, что они еще не были огорожены, ходили грестись и рыться кто где хотел. Из-за этого на улице каждый день – то на одном ее конце, то на другом, вспыхивали горячие ссоры.

Еще одной из причин разборок между соседями стали как раз те самые ограды – заборы. О, это была отдельная история! Между наделами-дворами должны были встать ограды, заборы, изгороди – граница! А кому ее возводить, из чего, когда каждая копейка, каждая щепка от бревна на учете? Каждый старался в этом деле перехитрить соседа. Особенно доставалось Старицким и Прохоровым. Им довелось огораживать свои наделы с двух сторон, потому что соседи считали, что им и так повезло – «на дурницу» отхватили по сруб, так еще и заборы им городи.

– Слушайте, соседи-соседушки, разве же можно так ссориться? А вам же жить вместе, а у вас же дети! А им как быть? – попробовал как-то влезть-вмешаться в очередную уличную перепалку покладистый и рассудительный родственник Прохоровых Алекса, который приехал к ним в гости из-под Калинковичей.

Что тут началось! Раскрасневшиеся и вошедшие в раж бабы тут же переключились на «свежак» и всыпали ему таких кренделей, что тот Алекса только безнадежно махнул на них рукой и убрался во двор родственников подальше от того лиха.

– Слушай, девка, это же здесь у вас нужно всю улицу святить от глаза, – обратился он к свояченице Татьяне.

Та только рассмеялась в ответ, потому что привыкла к ору своих соседок – Верки с одной стороны и Марины с другой.

Святить улицу, конечно же, никто не стал – не то время было. Почти вся ее мужская половина была партийная. Так и жили – в ссорах, «косоглазии» и игнорировании друг друга. Со временем все-таки мирились. Не сами по себе – помогала... беда.

– Ой, ой, ой! Спасай, соседка, спасай, дороженькая! Корова моя сдыхает! Раздуло ее, как тот барабан, вот-вот лопнет! А как же я с двумя детьми? – во двор заклойтой (ею же) соседки Татьяны Прохоровой вскочила расхристанная Верка, дочь лесника Ящука.

Ничего не говоря заклойтнице в ответ и не спрашивая ее ни о чем, «заклоятая» тут же позвала младшего из своих сыновей и приказала ему налить в литровые бутылки только что надоенного и еще не процеженного молока и идти вместе с ней. Пошли. Впереди не шла, а, мелко семеня, бежала Верка. Ее корова и правда была раздута, вроде небольшую бочку проглотила. Из рта у нее ручьем текла слюна с пеной.

– Обьелась, зараза, колхозной картошки с буртов, а может, удобрений нализалась, чтоб им трясушка, – скороговоркой выпалила хозяйка.

– Ее привязать надо, – сказала спасительница, а когда корову привязали, раскрыв ей рот, велела сыну лить в него молоко.

Вылили обе бутылки. Корова тяжело дышала. Ждали минут тридцать. Потом живот ее на глазах стал спадать.

– Ну, все в порядке, пойдем домой, сынок, – с облегчением вздохнула Татьяна, а на горячие слова благодарности Верки только махнула рукой.

Назавтра Верка в присутствии других соседок около колодца первая сказала «здравствуй!» своей «заклоятой» соседке.

...Зима в тот год стояла лютая. Поздним вечером Татьяна шла от своей кумы с соседней улицы. Та заболела, и она ходила ее «на ночь растереть». За несколько хат от своей, женщина (ой, Господи!) увидела в сугробе мужчину. Узнала его сразу – это был старший сын другой ее соседки, Марины, которая хотела, чтобы около

нее поселился брат, а не Прохоровы. По этой причине она все силы бросала на то, чтобы как-то отомстить нежеланным соседям. Что только ни делала: тодохлых котят подбрасывала в огород и даже в колодец (только за то, что он стоял на меже), то осколки разбитых бутылок, а то запрещала своим детям дружить с соседскими. А когда на ее огород попал выводок индюшат Прохоровых, так она его перебила и вынесла за огород в лес. А в это время мимо шел кум Прохоровых. Конечно же, он рассказал про увиденное варварство кумовьям. Прохориха (так звали Татьяну на улице) такого уже не смогла простить ошалевшей соседке – она не только хорошо поругалась с Мариной, но даже подралась (потягала за косы).

...А человек, который лежал в снегу, даже не шевелился. Татьяна склонилась над ним и почувствовала густой смрад самогонки. Ясно. Перепил где-то, а сил добраться до дома не хватило. Парень, до армии крепкий, с густой черной шевелюрой, вернулся домой осунувшимся и почти лысым. Соседи, которые все и про всех знали, говорили, что он служил в ракетных частях и там получил облучение. Наверное, по этой причине бедняга, в рот водки не бравший до армии, запил по-черному после нее. От такого горя почернела на глазах его мать, та, которая проклинала по-всякому своих соседей-«счастливчиков» и их детей. Она перестала разговаривать на улице даже с теми, с кем не ругалась (наверное, чтобы избежать расспросов про сына). Все это ее «заклятая» соседка Татьяна знала от других и искренне ей сочувствовала – у нее самой было трое сыновей, и Бог-отец только знал, куда и их призовут-зашлют в той армии и какие они вернуться домой.

Улица уже не светилась окнами. Парень, как пить дать, мог за ночь (да за какую ночь – хватило бы и часа) в этом сугробе замерзнуть. Татьяна, как смогла, подняла юношу на ноги, забросила-зацепила его руку за свою шею и потащила по ночной стылой улице. Кое-как дотянув свою ношу до соседского двора, куда она не заходила больше двадцати лет, открыла калитку и, добравшись до первого окна, начала бить в раму... В хате вспыхнул свет, и на пороге показалась та, что проклинала ни за что ни про что ее семью.

– Чего тебя на ночь глядя принесло? Чего тебе надо? – с неприкрытой злостью обратилась она к неожиданной ночной гостье.

– Соседка, забери сына своего, замерзает! Уже как сосулька! – не сказала, а прокричала «заклятая». – Около Старицких подобрала.

Та как стояла: обутая на босу ногу в какие-то отопки и в одной ночной рубашке, слетела с крыльца. Уже вдвоем соседки с трудом затянули едва живого парня в хату и, не сговариваясь, начали его раздевать и растирать. Около них беспомощно переступал с ноги на ногу хозяин избы, который был «под пятой» у жены.

– Ой-ой-ой, а сыночек мой дорогой, а мальчик мой золотой, а что же ты наделал, а чего же ты так напился?

– Слушай, соседка, – перебила вой матери над сыном спасительница, – его надо водкой растереть, а не на сухую, и в середину влить, а потом укрыть хорошо. Давай, неси бутылку.

– А где же я ее возьму? А я ж не пью сама и мужу запрещаю. Да я даже в хате не держу ту заразу... – запричитала Марина.

– Растирай, я сейчас.

Татьяна побежала к своей хате. Ухватила в кладовке бутылку с самогонкой, настоящей на березовых почках, и бегом помчала назад. Схватив пустую кружку со стола, налила в нее своей настойки. Потом поднесла ко рту парня и, раскрыв его, силой влила в него жидкость. Снова в четыре руки они натирали-растирали сухое и холодное тело, которое потихоньку начало краснеть, потом укутали его в одеяло, привалили кожухами.

– Ну вот и хорошо, успели вовремя, слава Богу! – с облегчением вздохнув, Татьяна направилась к дверям.

Но ее остановила та, что двадцать лет не здоровалась, делала всякие гадости и наговаривала на нее и ее семью что попало. Ни слова не сказав, она обняла ее и заплакала навзрыд.

Уже назавтра Марина первая, еще издалека, сказала Татьяне «здравствуй!» и кивнула-склонила в поклоне перед ней голову. Та в ответ тоже кивнула, а вернувшись на свое подворье, взяла на поленище топор-колун и пошла к своему колодцу, который они выкопали, когда поселялись, на меже с соседями, в надежде, что те станут брать из него воду. Когда же соседка не оценила такого жеста, Таня наказала мужу забить и закрыть со стороны соседей колодец. Так он и стоял однобокий все двадцать лет. Вот теперь, значит, пришла пора его вновь открыть.

Шли годы. Улица за переездом незаметно начала пустеть. Молодежь, волна за волной, скатывалась-разъезжалась в города, а их дедушки с бабушками – родители послевоенных новоселов, один за другим начали уходить в мир иной, жители перебирались на другое место – в сосняк. Там было кладбище нескольких близлежащих деревень и поселка. Как говорится: среди леса жили и в лес перебрались.

Тут тоже были свои улицы. На окраине сосняка пролегла и улица «за переездом». Сюда на Радуницу сходились и съезжались со всех сторон дети и внуки умерших. Они, поздоровавшись с могилами своих предков, положив кое-какие угощения, тут же шли отведать могилы соседей – и им положить гостинцы. Увидев около них наследников, обнимались, приглашали к своим поминальным столикам и вспоминали главное: они родом с одной улицы, из одного поселка – с того места на земле, которое зовем малой родиной.

*Перевод с белорусского автора.*

---

*Раиса Дейкун родилась в 1954 году на ст. Авраамовская (д. Партизанская) на Гомельщине. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор книги-исповеди «Мой Чернобыль, або Я боль людскі кранаў... рукамі...», сказок, сборника «Картошка – хлебу і... любви присошка» и др. Живёт в Гомеле.*

